В109
S18

Э. ВИЛЕНСКИЙ

СЫН БЕЛОРУССИИ

Молодая Гвардия

1943

ОИК
Франт. б-ка

Э. ВИЛЕНСКИЙ

В109 512

СЫН БЕЛОРУССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

3 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

780540 V V

1

Протяжно, повторяясь в закоулках поселка и в лесных просеках, разноголосо гудели паровозы. Заслонов подумал, что когда стоишь возле паровоза, он гудит оглушающе и очень важно, а вот издали голос его звучит тонко, как пастушья дудочка, и нежно. Было очень приятно слушать эти звуки издалека. Они не угасали сразу, а гулко неслись в морозном воздухе, рождая ощущение безграничного простора.

Железнодорожный поселок придвинулся сразу, вырос из темноты в один миг. Заслонов прошел знакомым переулком, свернул в проходной двор и вышел на небольшую площадь. У двухэтажного дома ходил часовой. Он остановился, услышав шаги. Заслонов спросил по-немецки:

— Могу ли я видеть коменданта?

Часовой посветил фонариком и в желтоватом луче увидел шинель советского железнодорожника, форменную фуражку, черный портфель подмышкой. Немец внимательно осмотрел Заслонова и впустил его, крикнув в прихожую:

— К господину шефу!

Когда Заслонова ввели в комнату, шеф Порошин-

ского железнодорожного узла сидел за столом и работал. Это был худой и очень высокий человек. Он, даже сидя, казался высоким. Под кожей, обтянувшей сухое лицо, гуляли крепкие желваки мышц. Шеф любил жевать мятные лепешки. Заслонов снял фуражку и, поклонившись, сказал:

— Здравствуйте, господин шеф. Меня прислали с биржи труда. Я инженер Заслонов, работал раньше начальником Порошинского депо...

— А теперь? — оборвав Заслонова, спросил немец.

— Теперь, господин шеф, я убежал из Вязьмы, куда меня угнали при отступлении русских...

— А вы разве не русский? — Шефу понравилось, что Заслонов говорит о русских, как о посторонних, чужих ему, и он не отказал себе в удовольствии остановиться на этой детали.

— Дело, господин шеф, не в национальности. Просто я не хочу работать на советской железной дороге. Они, видите ли... — Заслонов, как бывает в разговоре с понимающим человеком, перешел на откровенный тон. — Они, видите ли... очень мало платят. Я стóю большего. И я уверен, господин шеф, что вы оцените меня и по достоинству вознаградите мой труд, если... если он вам нужен, конечно...

Перед столом стояло кресло, обтянутое клеенкой, обмятое и осевшее под тяжестью бесчисленных посетителей. Казалось бы, шеф сразу мог предложить сесть, но он не спешил. Он внимательно изучал Заслонова. Лепешка растаяла, и желваки перестали ходить на его щеках. Он бесцеремонно оглядывал Заслонова, и ничто не укрылось от него — ни потертая шинель, ни порыжевший портфель, ни сапоги развалившиеся, со сбитыми каблуками. Потом шеф позвонил и сказал:

— Штумфе!

Штумфе был, видимо, недалеко. Он тут же вошел в комнату.

— Штумфе, вы знаете этого человека?

Штумфе знал Заслонова, и Заслонов знал Штумфе. Генрих Штумфе служил машинистом в Порошинском депо, а когда пришли немцы, остался здесь. Штумфе посмотрел и ответил:

— Так точно, господин шеф, знаю. Это инженер Заслонов. Был здесь начальником депо.

— Он коммунист?

— Никак нет, господин шеф. Он беспартийный.

— Вы это хорошо знаете?

— Конечно, господин шеф. — Штумфе позволил себе шевельнуть уголками губ, что должно было означать улыбку знающего себе цену человека. — Но он очень хорошо работал на большевиков. Он работал лучше, чем некоторые коммунисты...

— Разве это плохо? — Шеф испытующе посмотрел на Штумфе.

— Нет, это не плохо, когда так работают на нас, но это плохо, когда так работают на большевиков. Он получал премии, наше депо шло на первом месте.

— Разрешите, — вкрадчиво сказал Заслонов. — Я для того и работал, чтобы получать премии. И если мне их платят — почему я должен работать плохо? Кто мне платит, на того я и работаю. Я специалист, я не политик. Партийные дела — это не моя специальность. Я паровозник. Если мне будут хорошо платить, я буду хорошо работать.

Шеф жестом остановил Заслонова и сказал:

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Нам известно о вас все. В частности, нам хорошо известно, что вы активно помогали большевикам вывозить из депо станки и имущество. Почему вы это делали?

— Господин шеф, — ответил Заслонов, — а что я мог сделать?

— Отвечайте, когда вас спрашивают! — закричал шеф. — Почему вы помогали большевикам?

— Я, господин шеф, специалист. Беспартийный специалист. Надо мной было начальство. Мне приказывали — я выполнял. Меня могли бы арестовать.

— А зачем вы допустили уничтожение некоторых станков? Ведь это же варварство!

— Поверьте, господин шеф, что это сделал не я. Я настаивал, чтобы не разбивать, но разве меня слушали? Мне приказали: «Заслонов, вывозите» — и я вывозил. А остальное они разбили...

Заслонов замолчал, и шеф тоже молчал. Он продолжал смотреть на Заслонова колющим острым взглядом, и Заслонову стало не по себе. Но он выдержал это испытание и сидел спокойно, как человек, не чувствующий за собой никакой вины.

— Хорошо,— сказал наконец шеф,— нам нужны люди. — Можете начать работать. На угольном складе. Старшим рабочим...

— Простите, господин шеф, — мягко сказал Заслонов, — но я инженер, я не рабочий. И, насколько мне известно, у вас пока нет ни одного русского инженера... — Заслонов разрешил себе сказать это. — И если я вам как инженер не нужен, я найду себе другое место. Ведь не только наше депо перешло в руки немецких властей... — И он замолчал почтительно, но вместе с тем как человек, который свое сказал и не уступит.

Немец понял это. Инженеров действительно у него не было. Вообще узел ощущал острую нужду в людях.

— Хорошо, — сказал шеф. — Вы будете начальником над русскими паровозными бригадами. Можете показать хорошую работу на этой должности. Но глядите: если за вами что-нибудь заметят... Я человек коротких дел. Ни один ваш шаг не уйдет из круга моего внимания. Работать надо честно. Надо заставить хорошо работать ваших машинистов. Будете стараться — мы вас повысим. Можете итти, а утром явитесь ко мне... — Шеф встал.

— Простите, — сказал Заслонов, — еще один вопрос. Сколько жалованья будет получать начальник над русскими паровозными бригадами?

— Жалованья? — Шеф улыбнулся. — Жалованья? А это ведь для вас самый важный вопрос. Ну... марок... двести... Хватит?

Заслонов тоже улыбнулся, но улыбнулся так, словно хотел показать, что понимает шутку начальника:

— Двести? Я думаю, это в неделю, господин шеф? Не правда ли?

— Что, восемьсот марок? — Шеф посмотрел на Заслонова с удивлением. — Нет, любезный, это многовато. Но если будете стараться, через месяц дам вам триста. И не спорьте. Идите...

Заслонов поклонился и пошел к двери. Его остановил голос шефа:

— Кстати, господин Заслонов, а в шахматы вы играете? Поверите, здесь никто не играет в шахматы!

— Так точно, господин шеф, — строго, уже как подчиненный, ответил Заслонов, — так точно, играю. По вашему желанию в свободное время могу быть к услугам. Разрешите итти?

Так советский инженер, белорусский гражданин Константин Сергеевич Заслонов нанялся на службу к немцам.

2

Зимой сорок первого года, когда Заслонов поступил к немцам на службу, ему было тридцать два года. Из них двадцать три он работал и учился. Девяти лет он стал пастухом. Через четыре года он покинул свою деревню Ратково и ушел в село Поречье. Местный сапожник взял его подмастерьем. Два года он заколачивал гвозди в подошвы грубых деревенских сапог. Потом профтехшкола, годы самостоятельной работы. Слесарь стал помощником машиниста, машинистом, мастером, инженером, начальником депо. Горячий и порывистый че-

ловек, методичный в труде и настойчивый в учебе, он не без усилий прошел путь от пастушонка до инженера, но путь этот был полон большого смысла и содержания. Заслонов рос вместе со страной, вместе с ее заводами, железными дорогами, университетами, и жизнь его расцветала вместе с жизнью его страны. Он был неотделим от окружавшей его жизни. Мог ли он не любить ее, мог ли он оторвать себя от нее, мог ли он даже в самую трудную минуту испытаний честности и совести стать изменником, трусом или дезертиром?

То были беспамятно-страшные дни. Обагрилась кровью земля белорусская, осветились заревами пожаров города, горьким запахом дыма прокурился свежий воздух лесов.

Белоруссы — плечом к плечу с Красной Армией — взялись за винтовки. Иные—за заступ или кирку. Мирный добрый люд, работавший на земле и возделывавший ее, переполосовал ее рвами и траншеями, исчертил оборонительными рубежами. Сколько труда ушло на это поле, на эту высокую, в рост человека, рожь, на этот лен, на эту стройную нежную коноплю! Поле стало рубежом; рожь, лен, конопля запылали. Сколько сил вложено в осушение этого болота, в пестование этого леса! Теперь осушенное болото превратилось в укрепленный участок, а лес — в ловушку для врага. Сколько вдохновенного творчества вложено в эти дворцы, школы, университеты, музей! Теперь рушатся они, а под обломками мрамора и гранита гибнут ни в чем неповинные люди.

Днепр, Березина, Сож, Неман, Припять... Их воды продолжали течь в своих вековых берегах, а вокруг текли горе белорусское и слезы белорусские... Покрылись багрянцем, как во всякую осень, загорелись пурпуром чащи Полесья, и земли полесские заалели, забагрянились от крови, которую проливал белорусский народ...

В те тягостные дни враг подходил к Порошинску. Заслонов проводил часть своих людей: ушли сражаться, строить укрепления. Другие остались — они грузили

станки и машины. Считанные часы были у Заслонова, но он сумел снять и эвакуировать почти все свое оборудование. В эти часы он продолжал и основную работу: ни один воинский поезд, ни один маршрут с военными грузами не был задержан!.. А потом, когда настал самый тяжелый час, которого не забыть, Заслонов с лучшими людьми депо ушел из Порошинска. Но он не ушел из своей Белоруссии. Он окружил себя друзьями, своими рабочими, и спросил их:

— Будем биться, товарищи?

Ему ответили:

— Будем.

Образовался отряд. Он был на территории, занятой немцами, совсем близко от линии фронта. Заслонов сказал своим людям:

— Товарищ Сталин говорит, что надо организовать диверсионные группы. Мне пришла в голову мысль. Вернемся к себе, в депо... Как вы?

Он обвел глазами товарищей. Они молчали, вдумываясь в слова командира. Заслонов ждал. Он любил, чтобы люди обдумывали свои поступки и решения. Первым ответил Чеба, порошинский машинист:

— Что ж, предложение правильное. Конечно, можно и отсюда немцев бить. Но там мы будем ближе к месту... Думаю, надо итти.

Тогда Заслонов написал письмо одному из крупных работников партии. Вскоре пришел ответ. Заслонова приглашали. Он был принят, изложил свои планы, рассказал о людях. Его предложение было одобрено. Ему дали советы, указания, крепко пожали руку и сказали:

— Вы смелый человек, товарищ Заслонов. Вы можете оказать неоценимую услугу родине. Желаю вам успеха. Помните, что, где бы вы ни находились, мы всегда с вами, мы всегда будем с вниманием следить за вашей работой...

С Заслоновым пошли тридцать пять человек. Среди

них были хорошо известные Заслонову рабочие Латко и Барковский, Петр, Андрей и Чеба. Раздобыли взрывчатку и мины, два ручных пулемета, два автомата, винтовки. Достали продовольствие. Погрузили на санки и пошли.

Это был трудный путь. Немцы наступали, они рвались к Москве, и по всем дорогам, по всем просекам шли войска. Отряд обходил встречные части, прятался в лесах. Путь затянулся, продукты иссякли, обувь порвалась. Ударили первые морозы, и так вышло, что целую неделю люди ни разу не сварили себе пищи, ни разу не обогрелись. После одного привала к Заслонову подошла медсестра Кущина.

— Константин Сергеевич, — сказала она, — некоторые не могут итти. Ноги обморожены, настроение плохое, не дойдут...

Заслонов и без нее отлично знал, что в отряде есть ослабевшие, изнуренные люди. Он сам чувствовал себя очень плохо, его знобило, ныла спина. Он собрал отряд и сказал:

— Я знаю, что итти с каждым днем все труднее. Я знаю, что у нас есть обмороженные. Конечно, итти в таком состоянии очень тяжело. Но мы знали, на что идем. Считаю, что отступать сейчас — позор. Отступить — значит изменить своему слову. Надо итти!

— Вам легко говорить, — ворчливо сказал один из партизан. — А у меня ноги, как дерево... Чего на смерть итти? Все равно замерзнем. Надо возвращаться.

Заслонов ничего не ответил. Он сел на снег и стал стягивать с себя сапог. Размотал портянку. Из серой байки выглянули белые, как тесто, пальцы.

— Может быть, мне и легко говорить, — сказал Заслонов, — но ходить мне так же трудно, как и вам. А я все-таки пойду. Неволить никого не буду. Кто чувствует, что сил нехватит, — возвращайтесь. Кто в себе уверен — пойдет со мной.

Он осторожно завернул ногу в портянку, натянул сапог и ушел в сторону.

Дальше на запад пошло двадцать девять человек.

Снова потянулись мучительные дни зимнего похода через леса, по бездорожью, по глубокому снегу. Мокрая одежда, голод, ежесекундная угроза столкнуться с каким-нибудь немецким отрядом. Шли гуськом, след в след: впереди Заслонов, последним Чеба, который подсоблял самым слабым, подбадривал их, помогал нести винтовку или рюкзак. Потом натолкнулись на партизанский отряд Шулейкина. Радости не было конца: землянка, горячая похлебка, жареная конина... Но эта встреча принесла и большое горе. Шулейкин дал провожатым местного жителя Егора Фомичева, а тот оказался предателем, привел разведчиков Барковского и Латко к штабу немецкого отряда. Немцы застрелили обоих, отряд еле ушел. Осталось двадцать семь человек.

Но эти двадцать семь оказались сильнее голода, стужи и опасностей, подстерегавших на каждом шагу. Они шли молча, чтобы беречь силы, они научились понимать друг друга по взгляду, по короткому жесту. Они двигались механически — осунувшиеся, полузамерзшие люди, которых Заслонов цементировал одной силой — любовью к родине. И они дошли до Порошинского района. Машинист Родников привел их в деревню, где жила его сестра. В деревне были немцы, но партизаны пришли ночью, их приютили крестьяне. Там спрятали тол, оружие, патроны. Два дня отогревались на теплых крестьянских печах, отдыхали, лечили ноги и руки. Потом Заслонов разослал людей маленькими группами по соседним деревням, а сам с Чебой ушел в Порошинск. У Порошинска расстался и с Чебой. Чеба пошел к брату, Заслонов — на биржу труда. Он знал, что немцы очень нуждаются в железнодорожниках, что появление бывшего начальника депо не пройдет незамеченным и что его наверняка захотят использовать.

Так и случилось. Он зарегистрировался, и его сразу послали на узел. Он пришел к шефу, и тут произошел разговор, который закончился поступлением на службу к немцам.

Заслонов работал ревностно, придирался к машинистам и помощникам, кричал на них. Он подружился с немцами-машинистами, которые наблюдали за русскими, готовые пристрелить их при первом подозрительном поступке. За ним следили — он видел это на каждом шагу, — и он был очень осторожен. Трудно было ему не верить: не было человека, который работал бы усерднее. Он почти не выходил из депо, вел себя строго, сдержанно, с чувством собственного достоинства. Шеф дважды приглашал его играть в шахматы.

Заслонов не только кричал на своих машинистов, но и приглядывался к ним. Он ловил удивленные взгляды людей, которые давно знали его и не понимали, как мог продаться этот хороший и честный человек. Но он улавливал порой и умную усмешку в глазах некоторых старых рабочих и видел, что они догадываются, что они сумели понять его. Тогда и в его глазах сверкала мгновенная искорка, но ее замечали те, кому надо было ее заметить, и Заслонов увидел, что настороженность, возникшая в первые дни его появления, исчезла, люди стали смотреть на него спокойно, не сердились, когда он кричал, распекая их за плохую работу, и словно говорили:

— Понимаем, понимаем, товарищ инженер, всё понимаем. Только тянешь почему? Не время ли?

Но время еще не наступило. Заслонов каждую ночь обдумывал все происшедшее за день, взвешивал каждое слово шефа, начальника охраны, часового, немецких машинистов. Он исследовал всякий факт прошедшего дня, каждый поступок и каждый взгляд окружавших и следивших за ним людей. Он ждал.

Прошел месяц, и однажды, после выигранной партии, шеф сказал:

— С сегодняшнего дня триста марок. И кроме того, можете сами нанимать русских рабочих. Нам нужны люди. Постарайтесь вернуть на работу всех бывших служащих депо.

Заслонов с достоинством поблагодарил шефа. Он нашел за этот месяц правильную линию поведения, выработал манеру говорить с немцами, тон, улыбку.

Через день Чеба и Андрей начали работать помощниками машиниста. Петра он назначил начальником водоснабжения. Не прошло и недели, как все двадцать шесть партизан заслоновского отряда уже работали — кто слесарем, кто машинистом, кто на водокачке, кто на стрелках.

Большой отрезок пути между Порошинском и Смоленском весь контролировался отрядом Заслонова. Отряд вырос. В него входило уже сто человек — машинисты, слесари, угольщики, стрелочники, сцепщики. И эти сто человек в какой-то степени решали службу транспорта между Порошинском и Смоленском. И когда Заслонов почувствовал свою силу, увидел, что ему доверяют, что пора начинать, он сказал Чебе, вернувшемуся из очередного рейса:

— Рубанем!..

3

В ту же ночь Чеба пошел к сестре Родникова и от нее в мешках с картофелем привез тол. Заслонов встретил его на квартире у Ильи, работавшего на угольном складе. Илья два часа сидел на крылечке, а Заслонов развернул перед Чебой всю систему диверсий, которую он до мельчайших деталей разработал за этот месяц. Чеба слушал внимательно и удивленно; по правде сказать, он восхищался инженером. Не было, казалось, ни одной детали, которую не продумал или не учел Заслонов. Он предусмотрел все — и связь, и способы передачи

тола, и методы диверсионных актов. Система Заслонова, на первый взгляд, казалась довольно узкой; задачу отряда он сводил в основном к одному — к порче паровозов. Но чем подробнее раскрывал он перед Чебой свои планы, тем яснее рисовалось перед машинистом все обдуманное разнообразие предстоящих операций.

— Понимаешь, Чеба, — говорил Заслонов, — нам нельзя действовать локализованно. Мало уничтожить состав: его уберут, и пойдут новые. Мало сжечь паровоз: у немцев найдутся другие. Мало застопорить движение: через день-два оно возобновится. Надо уничтожать составы — настойчиво и непрерывно. Портить паровозы пачками, десятками. Нарушать движение каждый день, чтобы немцы не могли перебрасывать людей и грузы. Но все это надо обставить так, чтоб нас не поймали ни на первой, ни на десятой операции. Только в этом случае мы действительно причиним немцам вред и принесем нашим большую пользу.

И он снова говорил Чебе о конспирации, о разнообразии методов, о том, что диверсии надо производить в разных местах, руками разных людей, в разное время суток, в разных условиях. Потом, когда все было рассказано, когда Чеба понял все, что нужно было для такой работы, при которой Заслонов мог всегда остаться в тени, — тогда позвали Илью, и он принес из сарая толовые шашки.

— Патент не мой, — улыбнулся Заслонов, — но изобретение стоящее.

И он научил Чебу и Илью делать такие мины, которые могли пойти в дело, не вызывая подозрений немцев.

— Видите, какая простая штука, — сказал Заслонов, положив готовую мину на стол. — Работает безотказно. Если попадет на колосниковую решетку — произойдет обвал колосников. Если ляжет к стенке топки — взрыв разрушит топку. Лучше, если мина взорвется на перегоне. Поезд остановится в степи, и за ним надо гнать

другой паровоз. Глядишь — и не работает линия десять, пятнадцать часов, а то и сутки. Паровоз же аккуратненько отправится на лечение в депо. Ну как?

И началась работа. Мины шли из поселка на угольные склады, из складов — в руки своих людей, на паровозы. Изо дня в день гремели взрывы в паровозных топках, мины разрушали колосники — это бывало реже, а чаще всего разворачивали топку так, что Заслонов сокрушенно разводил руками, когда израненный паровоз приходил в депо. Бывало, что день обходился без аварий. Тогда назавтра выбывало из строя три, четыре, иногда и пять паровозов. Заслонов приходил к шефу и твердо говорил:

— Господин шеф, если ваша полиция не примет мер, эти партизаны выведут из строя весь мой паровозный парк. Я отказываюсь работать в таких условиях. Пока мы еще восполняем ремонтом текущие потери, но если и дальше так пойдет, дорога остановится.

Но шеф не желал слушать Заслонова.

— Что ваши паровозы! — кричал он. — Пусть они хоть все взрываются, но в депо. А они рвутся на перегонах. Вы понимаете, что это значит! Задержки, пробки. Я имею крупные неприятности от военного командования, мы срываем им перевозки!

Заслонов почтительно слушал и соболезнующе кивал головой. Его еще не подозревали. За последние две недели, с тех пор, как начались эти топочные взрывы, он ни разу не подходил к паровозу, если рядом не стоял какой-нибудь немец, не останавливался возле слесарей, не говорил с глазу на глаз с русскими машинистами. Его не подозревали, но все же на всякий случай за ним ходили по пятам, его не оставляли ни на минуту. Это был самый ответственный момент. Даже тень подозрения сразу сорвала бы все дело. И Заслонов не навлек на себя подозрения. Чеба имел подробнейшие инструкции и действовал самостоятельно. Он нуждался лишь в самой

скупой информации о ценности того или иного состава, о его значении для немцев. Но эту информацию Заслонов давал очень легко. Он строго говорил машинисту:

— Этот состав очень важен, гляди в оба. Если задержишь в пути — убью.

При этом стоял какой-нибудь немец, чаще всего Штумфе, который числился переводчиком при шефе, но был явным агентом гестапо. Он одобрительно качал головой и давал дополнительные инструкции вооруженному немцу-машинисту.

Поезд уходил, а через час-другой приходили сведения, что состав стоит в десяти километрах от следующей станции, и все начиналось сначала. Негодовал Заслонов, возмущался шеф, гестапо арестовывало несколько человек, к месту происшествия выезжала комиссия. Но комиссия устанавливала одно: мина. И не могла понять, как эта мина попала в топку. Улик против арестованных не было, и их выпускали, тем более, что за время их сидения под арестом на перегонах происходили всё новые и новые взрывы.

За первый месяц машинисты Заслонова вывели из строя пятьдесят паровозов. Когда Заслонов доложил об этом шефу, он думал, что тот его убьет. Немец стучал по столу, хватался за револьвер, и желваки на его худых щеках перекатывались, хотя сейчас шефу было не до лепешек. Заслонов положил на стол рапортичку и сказал:

— Пока вы не поймаете этих партизан, я работать не буду. Во всяком случае, я отказываюсь отвечать за нормальную службу тяги.

Тогда на улицах Порошинска появилось объявление, в котором за поимку злостного начальника местных партизан была обещана награда — пять тысяч марок и золотые часы.

«Маловато! — подумал Заслонов, прочитав объявление. — Пожалуй, я обойдусь им дороже!»

Немцы стали разрубать крупные куски угля, они искали в них мины. Немецкий уголь стал подозрительным в глазах немцев. Однако жены деповцев научились так искусно делать мины, что они проходили через руки гестаповцев, и те ничего не замечали.

Но тут начались для немцев неприятности и другого рода. Вступала в действие система разнообразия. Машинисты замораживали инжекторы, паровоздушные насосы и магистрали, воздухораспределители, пресс-масленки. Это вообще не вызывало подозрений, так как немцы не были знакомы с зимними условиями работы и подобные аварии сплошь и рядом происходили даже на тех паровозах, где ездили только немцы. Потом партизаны стали заливать из вестовых труб инжекторов пути и стрелки. На путях нарастали глыбы льда, составы сходили с рельсов. Потом получилось так, что три паровоза пошли под уклон и разбили три других паровоза. Потом во время одной из бомбежек два паровоза свалились в поворотный круг и вывели его из строя. Потом мина взорвалась в топке бронепаровоза, который только что вышел из ремонта. Потом были взорваны обычными минами составы с людьми и грузами. Особенно сильная авария случилась с поездом, который вез воинскую часть. Взрыв произошел на повороте, на высоком месте. Поезд свалился с крутого откоса, и почти все вагоны были разбиты. Убитых триста, раненых около того.

Удары сыпались с разных сторон, а немцы никак не могли понять, откуда все это. В Порошинск приехал большой отряд гестаповцев. Награда за голову партизанского командира увеличилась вдвое: десять тысяч марок. Все было бесполезно: сила заслоновской системы заключалась в строжайшей конспирации, в разнообразии методов, в неожиданности и внезапности наносимых ударов. Вдобавок ко всему, число людей, вошедших в его отряд, росло, и Заслонов мог теперь наносить врагу удары в любом месте большого отрезка железной дороги.

За второй месяц его деятельности в депо на ремонт ушло шестьдесят три паровоза; перевозы и задержку составов в пути он считал своей основной специальностью. Кроме того, было разбито немало составов, испорчено водокачек, стрелок, разных механизмов.

4

На Порошинский узел стали налетать советские бомбардировщики. Они прилетали ночью, и страшные удары сотрясали землю, вспыхивали пожары. Заслонов приказал спрятать в печные и водосточные трубы фонарики— сигнализацию для летчиков.

— С земли не увидят, а штурманам—как на ладони.

Однажды на узел сообщили о приближении советских самолетов. В этот день впервые должна была заработать сигнализация. Заслонов по тревоге вместе с офицером, начальником охраны, ушел в подвал. Он просидел там до тех пор, пока кончилась бомбежка. Когда они с офицером вышли, перед ними предстала страшная картина разрушения: сигнализация свое сделала.

Утром Заслонова арестовали.

Это было восьмой раз, что его водили к начальнику прибывшего отряда гестапо. Тот сразу невзлюбил Заслонова и не старался скрыть, что считает его виновником диверсий. Но данных у гестаповца не было. Заслонов вел себя спокойно и твердо. Никакие допросы не могли сбить его с толку.

Теперь кто-то донес о сигнализации. Гестаповец встретил Заслонова дикой бранью. Он долго кричал, бегал по комнате, в конце концов начал хлестать Заслонова плеткой. Инженер закусил губу и молча переносил побои. Потом он поднял руку и сказал:

— Остановитесь! Вы подозреваете меня в том, что я сигнализировал самолетам? Но ведь я просидел все время в подвале с начальником охраны.

Офицер вызвал начальника охраны, и тот подтвердил, что Заслонов был с ним. Офицер остался очень недоволен.

— Простите меня, господин Заслонов, — сказал он, — простите и забудьте то, что сейчас произошло. Проклятые нервы! Но эти партизаны могут испортить самые крепкие нервы. Садитесь.

И он повел совсем другой разговор. Заслонов — советский инженер. Он может подружиться с рабочими, может многое узнать.

— Здесь действует много отрядов, — сказал офицер. — Я же понимаю, что ими руководит какой-то центр. Раскройте нам его, и вы уедете в Германию, мы дадим вам денег, достойную вас службу...

Он долго говорил на эту тему, и Заслонов обещал подумать. Ведь рабочие ему не доверяют. Он посмотрит, можно ли что-нибудь сделать. Через несколько дней он скажет, придет и скажет...

— Нет, господин Заслонов. — Офицер насмешливо улыбнулся. — Я хочу вас видеть каждый день, может быть, вы сегодня что-нибудь узнаете или завтра. Я прошу вас приходить ко мне ежедневно утром, скажем... между девятью и четвертью десятого. Прошу вас именно в это время. Не возражаете?

Это была не просьба. Это было приказание. Каждый день являться на регистрацию. Особый учет. Особое внимание. Заслонов молча поклонился и вышел. Значит, здесь все кончено. Надо уходить. Еще два-три дня, еще одна-две диверсии... Потом прощай, Порошинск!

У крыльца, пританцовывая на снегу, переговаривались двое часовых. На другой стороне улицы медленно шел какой-то человек. На нем было ватное полупальто, валенки, ушанка — большая, из ярко-рыжего собачьего меха. Такой ушанки не видел ни разу Заслонов в Порошинске и с любопытством посмотрел на ее обладателя.

Чужое лицо. Нездешний. И какое неприятное лицо!..

Собачья шапка преследовала Заслонова весь день.

«Дурак ты, дурак! — думал Заслонов. — Разве годится шпику такую выдающуюся шапку носить?» — и нарочно ходил много в этот день, несколько раз заглядывал в контору, на склады, домой. Встречался с разными людьми, беседовал с ними. Повидал Илью, постоял минутку и, весело улыбаясь, чтоб скрыть смысл слов, сказал:

— Провал. Сегодня уйду. Скажи Чебе, чтоб к семи был в бане...

Вечером человек в собачьей шапке проводил Заслонова до бани. Инженер вошел в предбанник, где расплывались в парном воздухе мутные пятна керосиновых ламп, а шпик остался на улице. Заслонов, не спеша, снял свою черную шинель, аккуратно сложил костюм, белье. Чеба раздевался неподалеку. Потом они стояли рядом под душем, и Заслонов, отфыркиваясь, смывая с себя пену, дал Чебе указания. Журчала вода, глухо стучали на бетонных скамьях шайки, а Заслонов так же глухо, вполголоса говорил. Чеба только слушал и старался все запомнить. Заслонов говорил коротко. Ни одного лишнего слова. Сказал, кому надо уйти, кому остаться. Куда перенести тол и оружие. Где произойдет встреча, через кого наладить связь...

Посвежевший после душа вышел Заслонов в предбанник. Он спокойно сел у чебиного шкафчика, надел его костюм, валенки, белый полушубок и, поставив высокий воротник, пошел на улицу. Рыжая шапка маячила у ворот. Заслонов спокойным и твердым шагом двинулся в сторону шпика. Он прошел мимо, совсем близко, чуть не задев его локтем. Шпик посмотрел равнодушно — белый полушубок, валенки... А Заслонов шел, с трудом сдерживая шаг, и сердце у него билось сильно, и каждый удар его он ощущал так отчетливо, словно сердце сидело не в груди, а где-то повыше, у самого горла.

Поселок остался позади. Крепкий наст чуть слышно поскрипывал под Чебиными валенками. Вокруг было темно. На чистом небе сияли звезды, а сзади тонко и нежно пели паровозные гудки, протяжные и разноголосые. Заслонов остановился, прислушался, и ему стало грустно, и обидно, и горько. Он вспомнил такую же ночь, темную и широкую. Тогда он шел в Порошинск, в пасть к немцам, в их берлогу. Так удачно все началось, так успешно прошли эти месяцы в депо. Теперь он уходит, а сколько целых паровозов еще осталось у немцев, и эти паровозы гудят там, вдали, и эти паровозы потянут нужные немцам эшелоны, солдат, снаряды, хлеб, бензин... Заслонов еще послушал, словно хотел покрепче запомнить эти далекие паровозные голоса, и пошел дальше, в темноту, от своего Порошинска.

Через три дня Чеба и еще двое машинистов — Алексей и Михаил — пришли в село, которое лежало в пятидесяти километрах от Порошинска. Чеба принес с собой объявление, снятое с деповских ворот. Немцы сулили за голову инженера Заслонова пятьдесят тысяч марок.

5

Сквозь ветки густого ольшаника солнце бросало блики на живописную группу людей. Одни сидели на сваленном стволе дерева, другие стояли, некоторые полулежали. Веселые утренние лучи играли на лицах людей, на их костюмах, на мягком ковре высохших прошлогодних листьев. Здесь были разные люди — в защитных военных костюмах, без петлиц и с петлицами, в кожаных брюках и суконных френчах, в куртках из солдатского сукна, перешитых на крестьянский лад, в ватных штанах и легких холстинных рубахах. На пеньке сидел человек в фуражке пограничника с зеленым околышем. Он внимательно слушал своих собеседников, вглядываясь в них умными, пытливыми глазами. Когда все выска-

зались, он встал. Рост его не соответствовал крупной голове, резким, решительным чертам лица: человек в фуражке пограничника был очень мал, совсем мал. Но, странное дело, он не казался маленьким. В его движениях обнаруживалась энергия; посадка головы, резко очерченный рот, твердый подбородок подчеркивали волю и властность. На нем был расстегнутый штатский пиджачок, брюки, заправленные в сапоги. Через плечи — ремни. На левом боку висела кожаная сумка, на правом — маузер в большой деревянной кобуре.

— Значит, все ясно, — сказал он. — Дело будет успешным только в том случае, если удар будет внезапным и дружным. Охрана там сильная, следовательно, схватка будет жаркой. Но Саша привык к горячим схваткам. — Он ласково посмотрел на молодого партизана, прислонившегося к дереву. — На него можно положиться. Только надо получше поджечь склады, чтоб не погасли... — Он улыбнулся.

Люди разбрелись по лесу, а человек в фуражке пограничника задержал возле себя небольшую группу партизан и продолжал беседовать с ними. Тихий их разговор был нарушен возгласом:

— Заготовители пришли, дядя Костя!

Услышав эти слова, человек в фуражке пограничника повернулся к подошедшей группе партизан.

— Ну, что раздобыли?

Партизаны доложили, что собрали у крестьян муку, крупу, сало.

— А я, дядя Костя, меду принес!

— Меду? — Дядя Костя посмотрел на партизана Федю, и нельзя было понять, доволен он или сердится.— Меду? А ты что, разве любишь мед?

Оживление Феди сразу исчезло, он растерянно смотрел на командира и молчал.

— Так любишь или нет? — Начальник говорил строго. — Наверное любишь. И я, брат, люблю. И тот

хозяин, у которого ты мед взял, тоже наверное любит. Любит? Как ты думаешь? Так вот что, Федя: бери-ка ты эти ведра и рубай назад, в деревню. Отнеси и скажи: извиняемся, мол, по ошибке взял мед. Мед нам не нужен. Ешьте сами. И скажи, что партизаны могут и без меда обойтись. Понятно?

— Так они же добровольно дали...

— И ты добровольно отдай.

— Так ведь я этот мед пятнадцать верст нес!

— И обратно понесешь. И лошади я тебе не дам. Пешком пойдешь, да не один, а с комиссаром. Вместе веселей итти будет. Давай, давай... Я ведь говорил всегда: бери только то, что необходимо. А то — мед...

И, словно не было этого разговора, начальник вернулся к прерванной беседе.

Трудно было узнать в этом командире Заслонова, того инженера Заслонова, который работал у немцев в Порошинском депо. Теперь он был среди своих, и это был совсем другой человек.

Инженер Заслонов исчез, его больше не существовало. Вместо него появился дядя Костя, отважный и бесстрашный руководитель партизанских отрядов, крупный командир, человек большого размаха и широкого кругозора.

Уйдя из Порошинска, он не бросил облюбованного им участка железной дороги: диверсии производились извне, и в последеповский период заслоновские люди, ушедшие с ним в леса, взорвали еще шестьдесят пять паровозов и немало поездов пустили под откос. Но после ухода из Порошинска Заслонов попал на привольные поля и в леса своей страны, перед ним открылись широкие возможности, вокруг него жили десятки тысяч его земляков, он мог действовать свободнее: за ним не ходили по пятам немецкие соглядатаи. И он расширил свои связи с крестьянами окрестных деревень, установил контакт с соседними партизанскими отрядами, собирал

и воспитывал свою группу отрядов. Он беспрестанно разъезжал, беседовал с крестьянами, распространял живое и печатное агитационное слово. Где бы ни появился Заслонов, всегда возникали новые группы партизан, и эти группы наслаивались на заслоновское ядро; оно обрастало, начинало принимать размеры, поистине страшные для немцев. Тяга крестьянства в отряды росла изо дня в день. Белорусский народ, испытывавший неслыханные мучения и оскорбления, не хотел оставаться пассивным, и он шел в леса и болота, брался за оружие.

Лесную партизанскую жизнь делили с Заслоновым его близкие друзья и товарищи. Это были: его комиссар, самый близкий помощник, Лявон, бывший ранее партийным работником; Анатолий, Петр, Саша Соловьев, Алексей, Михаил, Кадо, Фомич, Володя. Это были надежные друзья и помощники, которых Заслонов любил так же, как они любили его. С их помощью повел он беспощадную борьбу против немецких частей, полиции, карательных отрядов. Партизаны организовали серию взрывов, крушений, поджогов, нападений на волостные управы, комендатуры, транспорты и обозы, на склады и хранилища горючего. Заслонов не давал покоя немцам, отжимал их от деревень, срывал их грабительскую работу, заставлял держаться вдоль главных магистралей и в крупных населенных пунктах. Немцы нервничали, слали в леса один карательный отряд за другим. Но отряды уходили обратно, разбитые и напуганные, а штаб германского командования в Минске получал донесения самого панического характера: жандармерия, полиция, гестаповцы, командиры частей жаловались, что не могут выполнять приказы о мобилизации хлеба, людей, денег...

Слава о Заслонове прогремела в округе. Партизаны называли его дядей Костей, крестьяне — Константином Сергеевичем. Они считали для себя большой честью принять Константина Сергеевича, угостить его, дать приют. В нем видели они истинного слугу народа, своего за-

щитника. Заслонов пользовался всякой возможностью, чтобы помочь ограбленному немцем крестьянину, снабдить его хлебом, мануфактурой, керосином. А если становилось партизанам туго, крестьяне платили им той же ценой: охотно снабжали их продовольствием. Достаточно было явиться в село «заготовителям» от Константина Сергеевича, как со всех сторон несли им муку, хлеб, сало, крупу. Партизаны были очень скромны и брали только необходимое.

Пуще глаза ценил и берег Заслонов дружбу с крестьянами. В народном сочувствии он видел источник той могучей силы, которая только одна способна рождать и питать широкое партизанское движение.

Для своих командиров и бойцов он стал родным отцом. Он объединил под своим началом многие сотни людей и оставался простым человеком, заботливым и ласковым. Партизаны чувствовали в нем и начальника и друга, ближе которого нет. Но он был очень строг, наказывал трусов, распущенных и расхлябанных людей, бездельников. Заслонов оказался крупным политическим деятелем и талантливым военным руководителем. Лучше всего про него сказал его начальник штаба Платоныч:

— Дядя Костя очень похож на Чапаева. Разница лишь одна: Чапаев был партизаном в регулярной армии, а дядя Костя в партизанскую армию внедряет дисциплину, регулярность и правильную тактику...

Не было для партизан большей радости, чем притти к Заслонову и рассказать об удачном деле Но в пустой день к нему не ходили.

— Ну, что я сегодня к нему пойду? — говорил партизан. — Вчера я, скажем, пустил поезд под откос. Пришел, рассказал, как было дело. А сегодня?..

Заслонов не вызывал к себе командиров отрядов. Он сам ездил к ним. Это было трудно, он никак не мог научиться хорошо ездить верхом, но, проехав на своей

лошади десятки километров, добирался до нужного человека. Он любил сам все видеть, всегда устремлялся в самые опасные места, и людей поднимало, как волной, когда в бою среди них появлялся дядя Костя, маленький, но грозный, со своим большим маузером, никогда не склонявшийся под пулями и минами, всегда уверенный в успехе и победе.

* * *

Саша Соловьев мог бы уже уйти, но операция была назначена на вечер: Заслонов всегда перед делом разговаривал с каждым участником. И в этот день он все время беседовал с людьми, расспрашивал о настроении, давал советы. Кое-кого освободил от задания — эти люди шли без твердой уверенности в успехе.

— Если не уверен, значит не сделаешь, — сказал он им.

Зашло солнце, и Заслонов стал прощаться с Сашей. Они ушли в сторонку, и Заслонов долго и тихо говорил Саше о том, что храбрость только тогда и хороша, когда она сочетается с умной осторожностью, что самые талантливые и решительные полководцы никогда не бросались в бой очертя голову, а, наоборот, предварительно вели тщательную разведку, без которой легко проиграть бой даже в том случае, если превосходство на твоей стороне, и что не надо забывать о резервной группе, и что обязательно следует выставить пулеметное прикрытие на фланге, и что он будет очень горевать, если с Сашей что-нибудь случится. Потом он снял с себя маузер и надел его на Сашу.

Саша ушел, и Заслонов загрустил — операция была очень опасной. Обычно на такие дела Заслонов сам водил отряд, но теперь он не мог уйти: ждал приезда одного из работников ЦК партии Белоруссии, который должен был привезти важные документы.

Не сиделось в шалаше. Он бродил по лесу, и никто не заговаривал с ним: партизаны понимали настроение

командира. Молча ходил следом Женя Коржень, его адъютант, бывший слесарь, сын машиниста. Ему недавно исполнилось восемнадцать лет, и он выполнял свои адъютантские обязанности с необычайной горячностью и пылкостью. Женя был влюблен в своего командира так, как может быть в его годы влюблен юноша. В его глазах Заслонов был и героем, и полководцем, и опытным старшим другом, и человеком, который знает все. Он ни на минуту не разлучался с дядей Костей, был предан ему целиком и, не задумываясь, отдал бы за него жизнь. Все восхищало его в Заслонове — и храбрость, и справедливость, и прямота, и самоотверженность. Заслонову кто-то подарил книжку Фурманова о Чапаеве, и эта книжка всегда лежала в полевой сумке дяди Кости. Женя при всякой возможности брал книгу и читал ее, шевеля при этом свежими, чуть припухлыми губами. В эти минуты лицо его покрывалось румянцем, он сжимал приклад автомата и издавал какие-то непонятные звуки, словно разговаривал про себя с прославленным героем... Однажды он спросил:

— Дядя Костя, а почему у Фурманова про Петьку ничего не написано? Разве про адъютантов не пишут?

Заслонов улыбнулся и ответил с шутливой серьезностью:

— Ошибка это, Женька. Ошибка писателя. Но ты не беспокойся. Когда про нас книгу писать будут, тебя не забудут.

Женька вспыхнул, уши его покраснели, и он с упреком сказал:

— Да разве я к тому, дядя Костя?

— Знаю, знаю, что не к тому. — Заслонов нежно обнял Женьку, он по-настоящему любил его. — Знаю, что ты парень скромный. А за Петьку ты не обижайся. Его, видишь ли... его вроде как и не было...

— То есть как это не было?

— Ну да, не было. Это в кино придумали. А если бы

был — Фурманов обязательно его бы описал. Ну, разве можно было бы не описать тебя, такого... такого Женьку?

И он любовался своим юным другом, его блестящими глазами, румяным, покрытым едва заметным пушком лицом, худощавой, очень складной фигурой.

Теперь Женька молча бродил за дядей Костей по лагерю. Беспокойство Заслонова охватило и его, и он очень жалел, что нельзя покинуть лагерь и уйти вслед за Сашей, и стрелять по немцам, и убивать их, и гнать из села... Тогда не было бы грусти, а была бы уверенность, и дело хорошо бы кончилось, потому что Заслонов — гениальный командир, и если он командует, то дело не может кончиться плохо...

— Спел бы что-нибудь, Женька, — сказал Заслонов.

Пел Женька хорошо, высоким радостным голосом, очень быстро запоминал мелодии и особенно любил песенки из кинофильмов.

— Разве мне, дядя Костя, в партизанах быть, — говаривал он. — Мне бы в Москве, в Большом театре петь... Вот кончим войну — с Козловским конкуренцию устрою...

Женька спел народную песню «Бадай пана», запел «Спи, мое дзицятка», но Заслонов плохо слушал и вскоре всех уложил спать. А сам ходил по сонному лагерю и напевал свою любимую песню:

Сядь-ка рядом, что-то мне не спится,
Письмо в Москву сегодня написал.
Письмо в Москву, далекую столицу,
Ту, которую давно я не видал...

Он знал только один куплет, повторял его без конца, а потом свистел и снова пел. Уже ночной темноте настало время раствориться, растаять в предутренней заре, когда на севере, высоко в небе заиграло багровое зарево. Оно меняло свои очертания, принимало причудливые,

фантастические формы, разрасталось, и вскоре вся северная часть небосклона оказалась окрашенной в мрачно-огненный цвет. Заслонов уже не пел, он застыл у дерева и крепко сжал Женино плечо.

— Да, это Сашина работа, — сказал он.

Заслонов долго смотрел в сторону зарева, и когда густота его красок стала под первыми лучами солнца ослабевать, взял чей-то рваный тулуп, завернулся в него и лег спать у костра.

В полдень вернулся Андрей, лучший друг Саши Соловьева. Заслонов уже давно не спал и первым встретил партизана. Андрей шел быстро и резко остановился, увидев командира. Заслонов внимательно оглядел Андрея и заметил на поясе свой маузер.

— Говори, — сказал он Андрею.

Застывшими глазами смотрел на Андрея, пока тот докладывал, а потом уронил голову на руки и заплакал. Этого еще никогда не видели партизаны...

— Что ж, дядя Костя, — сказал Андрей, — это ведь война...

— Что? Да, да... война. Слушай, Платоныч, поезжай к ребятам, успокой их. Скажи, что я назначил командиром отряда самого близкого друга Соловьева — Андрея. И быстрее возвращайся.

А когда Платоныч вернулся, Заслонов подробно и с пристрастием расспрашивал его о настроении бойцов, о подробностях налета. Когда же Платоныч стал говорить о том, как погиб Соловьев, Заслонов сразу помрачнел и, слушая, с невыразимой грустью сказал:

— Что ж, это ведь действительно война. Война без этого не бывает...

* * *

Возле деревни Рогачки немцы нащупали в лесу один из отрядов и стали подбрасывать войска к этому лесу. Другие отряды были неподалеку. Разведка донесла, что немцы высадили на станции больше полка. Заслонов ра-

зослал вестовых по отрядам — предупредить о движении немцев. Вскоре приблизилась вражеская разведка, человек сто. Завязался бой между одним из отрядов и немцами. Одновременно противник начал наступление и на другие отряды. Заслонов поспешил туда — там обстановка складывалась неблагоприятно, а он всегда руководил на том участке, где было труднее. Бои шли весь день. Вечером Заслонов вернулся к основному отряду. В это время немцы подтянули уже целую дивизию. Заслонов решил углубиться в лес.

Утром выяснилось, что немцы, почти не отрываясь, идут за партизанами. Противник стянул уже три дивизии, подвез орудия, минометы, танки. На линии ходили бронепоезда. Вся эта сила двинулась на три сотни партизан основного отряда Заслонова, на его соседние отряды и на другую группу отрядов, которая базировалась неподалеку.

Радистка Ася, только что установившая под кустом свою рацию и забросившая на елку антенну, начала устанавливать связь со штабом белорусских партизан. В наушники ворвалась передача из Москвы. Ася слушала и вдруг сорвалась с места, помчалась к Заслонову. Он сидел с командирами, держа на коленях немецкую карту.

— Дядя Костя, — закричала Ася, — вас орденом Ленина наградили... Честное слово... Сама указ слышала...

Заслонов был погружен в изучение карты и не сразу понял, в чем дело. Потом лицо его залилось краской, он растерянно посмотрел на товарищей.

Весть о награждении дяди Кости мигом облетела отряды, и во время боя к Заслонову то и дело подбегали его люди, чтобы поздравить, пожать руку, обнять.

Бой был трудный. Заслонов отлично понимал бесцельность лобового сопротивления против трех дивизий, танков, пушек, бронепоездов. Поэтому он хитрил, отсту-

пал, оставляя заслоны, отряды прикрытия. Ему удалось обмануть немцев, оторваться от них. Тихо, без шороха, уходили партизаны в лес, словно плыли по заболоченным местам, в темном сыром лесу, как какие-то фантастические тени, окруженные болотными туманами.

На привале усталые и голодные люди быстро уснули. А Заслонов стал вырабатывать план совместных действий всех отрядов. Он пробрался к соседям и долго обсуждал с командирами обстановку и возможные варианты боя.

— Кстати, дядя Костя, — сказал ему один из командиров соседнего отряда, — почитай-ка эту бумажку.

Заслонов развернул пожелтевший от клея листок. На нем было напечатано:

«Объявление. Тому, кто живым или мертвым доставит партизанского главаря Заслонова, будет выдана награда: крупное промышленное предприятие в Германии в вечную собственность или что пожелает. Крестьяне, по желанию, могут получить двойное поместье».

* * *

Утром снова немцы нащупали партизан, и снова три дивизии бросились на них. Это был самый тяжелый бой Заслонова. Он взял на себя большую ответственность— руководство не только своими, но и соседними отрядами. Всего под его командованием собралось около двух тысяч человек. Но все его силы оказались в полукольце, которое могло с часу на час замкнуться. Заслонов искусно вел своих людей по чащам, переходы были быстры и скрытны. В этих переходах, сопровождавшихся беспрерывными стычками и перестрелками, командиры отрядов отметили еще одно замечательное качество Заслонова: искусство боевого маневра, которое не всегда постигается даже в самой упорной учебе, а требует прирожденного таланта, тонкой интуиции и острого ощущения окружающей обстановки.

Немцев было слишком много. У них была огромная техника. Полукруг сжимался, и две тысячи человек были обречены на гибель, на поголовное уничтожение. Это невольно угнетало командиров, и они с надеждой смотрели на своего полководца, который хладнокровно изучал карту и советовался с местными крестьянами, лесовиками, хорошо знавшими этот бездорожный район лесных массивов.

— Мне нужно два часа, — сказал наконец Заслонов, — надо выкроить два часа. Потом все будет хорошо. Мы рубанем их...

И его основной отряд получил задачу «выкроить» нужные два часа. Он принял на себя главный удар в то время, когда остальные отряды спешно начали какое-то передвижение. Немцы не знали, что перед ними всего сотни людей, и бросились на них всей своей массой, обрушили на них тучу снарядов, мин, пуль... Это было трудно выдержать, и в одно из мгновений партизаны дрогнули. Полные огня и воли, зазвучали слова партизанского командира. И словно искра пала на порох, — партизаны снова бросились в бой и сражались, как львы, и устояли, и дали своему командиру нужные два часа.

А затем произошло все то, что придумал и подготовил Заслонов. Нескольким десяткам людей он приказал отходить. Они разыграли вынужденное отступление, которое враг принял за последнее усилие еще сопротивляющихся, но уже разбитых и деморализованных людей. Маленькая группа людей уходила на юг, уводя за собой по густому лесу немецкую орду. Вдруг немцы увидели, как поредели деревья, как засинело небо в просветах чащи. Перед ними открылась безлесная лощина, на другом конце которой скрывались в лесу бегущие партизаны. Не раздумывая, бросились немцы через поле. И тут их встретила засада Заслонова. Он долго искал такую узкую лощину. Лесовики помогли ему найти. И он, по-

ручив отступать лишь маленькой группе, создал на флангах этой группы два мощных кулака, по семьсот-восемьсот человек. На немцев среди открытого поля обрушился страшной силы удар. Полторы тысячи винтовок и автоматов, шестьдесят пулеметов ударили по вражеской пехоте, и немцы стали падать целыми косяками. Партизаны выскочили из-за кустов, из-за деревьев, закричали «ура» и бросились в атаку, и немцы не выдержали, ибо нельзя было выдержать этого огневого налета, этого стремительного натиска людей, которые бились за свою землю, за свою Беларусь... Две тысячи гитлеровцев остались на поле, окруженном густыми лесными чащами, а когда немецкое командование пришло в себя, Заслонов уже был далеко, уведя свои отряды почти без потерь.

После этих боев Заслонов понял, что нельзя сосредотачивать в одном месте крупные силы. Их трудно спрятать, и при неудаче можно потерять все. Поэтому он разделил своих людей на небольшие отряды и выделил каждому район действий. В десятках пунктов начались пожары, загрохотали взрывы, нарушались коммуникации врага... Сто семьдесят восемь паровозов первого периода деятельности отряда Заслонова оказались только почином. Подвиг становился рядовым делом: пятьдесят крушений поездов, десятки тысяч тонн сожженного и отобранного у немцев зерна, много убитых бургомистров, старшин, полицейских, комендантов — среди них был даже комендант Смоленска, немецкий полковник, — карателей, изменников, шпионов. А главной гордостью Заслонова была цифра истребленной его отрядами живой силы — солдат и офицеров регулярной германской армии: по самым скромным подсчетам, партизаны Заслонова уничтожили свыше пятнадцати тысяч немцев.

Осенью 1942 года общее собрание коммунистов отряда приняло Константина Сергеевича Заслонова в партию.

В этой деревне все знали дядю Костю. Не было, пожалуй, такого дома, где не побывал Заслонов, где не почаевничал он, где не спел любимых песен вместе с Женькой и хозяевами.

В полутора километрах от деревни горбилась в лесу землянка отряда. Ее построили по чертежу и под руководством Платоныча. Два вырезанных в земле глубоких уступа служили нарами, на которых могло расположиться около полусотни человек. Между этими уступами была выкопана траншея. В пол ее упирался столб, поддерживавший потолочный брус. Возле столба топилась печка. Труба выходила горизонтально, чтобы ни искра, ни дымок не выдали штабквартиру партизан.

В землянку партизаны уходили при появлении в округе немецких карательных или регулярных частей. Если же было спокойно, люди в перерывах между операциями отдыхали в деревне. Здесь в каждой хате встречали их с радостью и отдавали последний кусок. В свою очередь партизаны при всякой возможности привозили колхозникам зерно и муку, отобранные у немцев.

Дядя Костя провел эту ночь в деревне. Он спал, как обычно, на полу, чтобы не стеснять хозяев. Проснулся рано, встал, собрал солому, служившую ему постелью, вынес в сени. Умылся студеной водой, крякнул от удовольствия, вернулся в комнату, утерся. Хозяйка возилась у печки, и оттуда тянуло теплым запахом свежего хлеба.

— Скоро, Константин Сергеевич, вынимать буду, — сказала она и улыбнулась широкой и доброй улыбкой.

Звякнула щеколда, и в избу вошел рослый партизан. Крепкий мороз подубил лицо, местами оно отдавало синевой. Он проковылял к скамье и сел.

— Плохо, дядя Костя, — сказал он. — Фрицы всю

ночь за мной шли. Ноги мои совсем никуда не годятся, еле ушел. Боюсь, как бы гости сюда не пожаловали...

Но Заслонов уже не слушал партизана. Он быстро стянул с него сапоги. Ноги были совсем белые, на одной два пальца начали темнеть.

— Да, друг Коржик, — сказал, нахмурившись, Заслонов, — дело твое не праздник, прямо скажу. Сейчас я тобой займусь...

— Дядя Костя, — умоляюще сказал партизан, — вы про меня бросьте думать. Ненароком немцы придут. Уходите лучше...

Но дядя Костя уже послал Женьку за Лявоном и Платонычем, ночевавшим в соседней избе, и принялся растирать ноги Коржика, смазал их жиром, а потом стянул с себя сапоги и, размотав портянки, снял толстые, грубой вязки шерстяные носки. Он осторожно натянул их на Коржика, а потом снова обулся. В это время пришел Платоныч.

— Здоро́во, начштаба, — сказал Заслонов.—Вот Коржик говорит, что гости к нам идут. Действуй, да побыстрее. Всех больных и раненых, цинки с патронами и мясо сейчас же отвезти в землянку. Сам все сделай, доставь всех в полном порядке, и оттуда — ни с места. А пока выставь дозор в лесочке, что к Сычевке тянется, и на дороге к Ивановке. Из Ивановки, правда, вряд ли придут, но человека все же поставь. Давай рубай, Платоныч...

Начштаба повел из избы Коржика и, быстро отдав приказания, так же быстро усадил в сани больных, погрузил мясо, цинки и повез к базе. Заслонов с Лявоном и Женькой стали собирать своих людей.

В это время из сычевского леска загремели выстрелы. Человек тридцать партизан, ночевавших той ночью в деревне, уже собрались возле Заслонова, Лявона и Женьки.

— Товарищи, — сказал Заслонов, — время дорого.

Надо их задержать, пока наши больные к базе доберутся. Быстро занимай оборону...

Тяжело переваливаясь в глубоком снегу, партизаны по огородам побежали к сычевскому леску. Заслонов задержался возле хаты, чтобы отдать приказания четырем оставшимся около него партизанам. В эту секунду со стороны Ивановки хлопнул одиночный выстрел, и за ним рассыпалась в морозном воздухе автоматная очередь.

— За мной! — крикнул Заслонов и побежал с маузером в руке назад, к дороге на Ивановку.

Навстречу ему мчался молоденький партизан.

— Дядя Костя, там их много, человек двести!.. Силища!..

— А ты испугался? — Заслонов засмеялся, но тут же снова стал серьезным. С ним было шесть человек: Женька и пятеро партизан. Он седьмой. Небогато, но немцев надо остановить, надо защитить тыл отряда, который дерется на другом конце деревни.

В воздухе засвистели пули, и Заслонов открыл встречный огонь. Немцы были уже совсем близко. Женька старался вылезти вперед и трещал из своего автомата. Вдруг он вздрогнул и начал оседать.

— Женя, Женечка! Что с тобой? — Заслонов бросился к адъютанту. В этот момент он почувствовал удар в грудь, и сразу стало горячо под кожанкой, и все поплыло вокруг. Большая сосна, возле которой он стоял, покачнулась, и крона ее почему-то стала быстро падать.

— Женя, Женька... — продолжал уже в полузабытьи говорить Заслонов. — Держись, Женя! Сегодня год, как я в Порошинск пришел... год, понимаешь, год... Держаться надо, а то наших всех побьют...

Сознание уплывало. Заслонов уже лежал на снегу и сквозь дымку видел рядом с собой еще четырех пар-

тизан и пятого, который, пригнувшись, убегал в другую сторону... Тридцать человек, отстреливаясь, ушли в лес. Они не могли удержаться, противник бросил на деревню два батальона. Немцы вошли в деревню и остановились у тела Заслонова; их внимание привлек маузер: они решили, что это командир. Они пригнали крестьян и стали спрашивать, кто лежит, кого это они убили. Крестьяне молчали, мрачно глядя на тело Заслонова, и проходили мимо. Только Авдотья, у которой ночевал Заслонов, сказала переводчику:

— А кто его знает. Партизан — это верно. Да разве у них узнаешь! Все у них Петры или Иваны, или дяди Антоны. Кабыть, Петром его звали... или Алексеем...

Немцы ушли, забрав с собой двадцать мужчин, и приказали похоронить убитых.

На похороны пришла вся деревня. За околицей на бугре выкопали большую яму, дно устлали досками, на доски положили Заслонова, Женьку, четырех партизан. Авдотья принесла простыню, большую, с кружевами и желтыми полосами на складках, — видимо, достала заветную, с самого дна сундука. Простыней накрыли убитых. Крестьяне пошли длинной вереницей мимо могилы. Они шли по одному, медленно, хмурые, сосредоточенные, в торжественном молчании, сквозь которое глухо прорывались рыдания женщин. Люди останавливались у могилы, отвешивали поклоны, бросали горсть земли и говорили:

— Прощай, наш друг Константин Сергеевич...

Утром на могилу пришел еще раз проститься с дядей Костей Лявон. Он стоял у маленького холмика, на который ночная пурга намела много пушистого, мягкого снега, долго стоял, без шапки, глядя на этот холмик, словно хотел пронзить взглядом землю и хоть на мгновение снова увидеть любимого командира. Потом

он присел на пенек, вынул из сумки листок бумаги — начатое письмо другу — и стал писать:

«Пришел я сейчас на дорогую могилу Константина Сергеевича и заплакал. Никогда это застывшее тело не затрепещет ни от ласки поцелуя, ни от страха, ни от страдания. Больше никогда не увидим мы этого бесценного человека. Спи, мой дорогой, спокойным сном! Твои партизаны завершат наше дело до конца. Я сам поведу их в новые бои. Спи, наш дорогой и любимый Константин Сергеевич...»

Он остановился, перечитал последние строчки и, подумав, добавил:

«Клянусь над твоим прахом, что враг крепко поплатится за твою смерть».

И он ушел, и ему казалось, что клятва его гремит над могилой, что эхо передает ее от леса к лесу, от деревни к деревне, от города к городу и что не смолкнет она никогда, останется, как вечный памятник Константину Заслонову.

* * *

От леса к лесу, от деревни к деревне, от города к городу прошла молва о смерти Константина Сергеевича — дяди Кости. Не верили крестьяне, не хотели они принять его смерти, — так велик был в их душе его образ, так близок был их сердцу этот народный герой. Но приходили люди, и еще люди, а когда их спрашивали: «Это правда?» — отвечали, опустив голову: «Да... правда...»

Горе — вот чем была для белоруссов смерть дяди Кости. Возмездие — вот чем решили они ответить на утрату. Во многих селах, деревнях и городах выросли новые партизанские отряды. Первый отряд организовался в деревне, где погиб Заслонов. На другой день к Лявону, который с горестью и жаром мщения в груди занял место Заслонова, пришло тридцать человек — сви-

детели смерти Заслонова и участники его похорон. «Мы — отряд, — сказал старейший, — мы хотим, чтоб наш отряд называли Заслоновским». Группы и отряды имени Заслонова возникали всюду, куда приходила весть о смерти партизанского командира. Иногда это были группы по три, пять, десять человек. Иногда это был отряд в сотню-полторы бойцов, имевших кое-какое оружие, но готовых даже с этим оружием напасть на любого врага — только бы отомстить за дядю Костю. К Лявону приходили уполномоченные от деревень, ходоки, крестьяне-одиночки. Бывший товарищ Заслонова по депо — Владимир — организовал свой отряд. Другой отряд, правда, небольшой, всего тридцать человек, сразу совершил несколько удачных диверсий, нанес по железнодорожным коммуникациям такие удары, что немцы даже подумали: не жив ли Заслонов, не пущен ли слух о его смерти для маскировки?

Росли и продолжают расти отряды, которыми командовал Заслонов, растут другие отряды, которые носят в своем ли названии, в своем ли пламенном сердце имя благородного сына Белоруссии — Героя Советского Союза Константина Заслонова.

★

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор *М. Дальцева.*
Подписано к печати 11/VI 1943 г.
Л40156. 1¼ печ. л. 57 600 зн.
в печ. л. 2 уч.-изд. л. Тираж 50 000.
Заказ 779. Цена 45 коп.
Фабрика юнош. книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия".
Москва, ул. Фридриха Энгельса,
д. 46.

ОЦК-73510

Цена 45 коп.